

ОТКРЫТКА
С ПЯТНАМИ
КРОВИ

ТОНИ БРАНТО

ЕДКОЕ
СОЛНЦЕ

Москва
2024

УДК УДК 821.161.1-31(410)
ББК 84(4Вел)-44
Б87

Tony Branto

CAUSTIC SUN

First published in Great Britain in 2023 by Clays

Перевод — *А. Полевая*

Редактор — *Н. Торбенкова*

Бранто, Тони.

Б87 Едкое солнце / Тони Бранто. — Москва : Эксмо, 2024. — 176 с.

ISBN 978-5-04-206180-6

Шестнадцатилетняя Орнелла приезжает на каникулы в Тоскану к своей крёстной матери Валентине. В свои последние школьные каникулы девушка решает сбросить с себя путы приличий и прожить эти две недели в своё удовольствие, с размахом пробуя всё запретное: вино, сигареты, мужчин. Мятежная душа Орнеллы ищет другой души, которая дала бы ей покой, защиту, опору, настоящую радость жизни. То, что потеряла она с уходом отца из семьи. И вдруг находит желанную пристань — Пьетро, который возвращает в её жизнь счастье. Но жестокая трагедия обрывает счастье Орнеллы и жизнь Пьетро. Кто тому виной — она сама или добрая синьора Валентина?

УДК 821.161.1-31(410)
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-206180-6

© Бранто Т., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Александре — любви моей жизни

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Пьетро, медвежонок Пьетро... Смогла бы я тебя выдумать, сложить в тот самый прекрасный и торжественный образ, удавшийся двоим смертным и одному богу, если бы тебя не существовало? Или я стала бы грезить совсем о других чертах, совсем не тех, что были даны тебе? Невольно и часто задаю себе этот вопрос.

Иногда думаю, что вообразила бы большие коньячного цвета глаза, но не окунулась бы в их грусть. А ведь именно грусть в них, поняла я много позже, первой привлекла меня. Думаю, что без труда дались бы мне тёмно-каштановые локоны с их непокорностью, дерзостью, но хватило бы моей фантазии на их путаный, разогретый солнцем медовый запах цветов и травы, хлеба, молодости с вином? Кажется, и сам бог уже не смешал бы ингредиенты в нужных пропорциях.

Да, я бы всяко дошла до тела, замышляя его идеально спроектированным, почувствовала бы его силу, знала его тёплую, охристую кожу, догадалась бы, воз-

можно, где спрячутся шрамы на этом мягком шёлке, но разве без тебя живого мыслимо, чтобы я представила, как внутри этого тела бьётся сердце в унисон с моим?

Испытать подобное можно только наяву.

Фантазировать — это злое, порабошающее свойство организма! После тебя, Пьетро, я стала чаще сомневаться и благодаря тебе узнала — фантазия о живом человеке бывает губительной для обоих и ещё для всего живого вокруг.

Пьетро, Пьетро... всё-таки, если бы только тебя никогда не существовало...

Я хочу рассказать о двух главных встречах в моей жизни. Первая — встреча со счастьем, тихим, простым и понятным, словом, земным. Но очень редким, как выучила я а posteriori¹. Вторая встреча — с громким, ошарашивающим, величайшим злом, которого я не могла себе представить.

Я хочу поведать о страсти, что открыла мне бога и дьявола, открыла их во мне. Минуло больше двадцати лет, но мне никогда не забыть этих встреч. Всё живо, как будто случилось только вчера.

Так вот однажды моя мама решительно и бесповоротно поняла, что из меня растёт нечто неясное и непременно пропадёт оно в обществе таких же потерянных. Так она и сказала подруге, а я услышала — нечто неясное в обществе потерянных. Она слишком пло-

¹ Впоследствии (*лат.*).

хого о себе суждения, думала я и не спорила. В конце концов, я знала, что у отца давно любовница в Милане, что она моложе и красивее мамы, и, скажем прямо, я уже больше понимала, чем догадывалась, что мама сама являлась выходцем из поколения, которое начало ту самую заварушку с дурманящей в юные годы потерянностью. Я была маминым проклятым зеркалом.

Мне сейчас сорок, и я не знаю этой жизни, как хотела бы. А тогда, в шестнадцать, чувствовала себя зрелой и готовой ко всему, что мне предначертано. В окна благоухал олеандр, его пары разносил, как холеру в былые времена, июньский южный ветер, весь город его источал, и даже наши тесные две комнаты на третьем этаже в самом захолустном из районов, казалось, пропахли насквозь. Мы задыхались им и наслаждались, как самой прекрасной чумой. Не знаю, его ли цветов яд или тот, что впрыскивала в мою кровь закипавшая юность, — что-то определённо теперь натравливало меня против всего, что я знала, против любого разумного шага. Теперь меня толкало куда-то в сторону. Хотелось влюбляться, держаться за руки в кино, пить «Мимозу», смотреть на звёзды, и ещё влюбляться, и ещё видеть звёзды, и хотелось, чтобы Гаспар, Филиппо, Джино — да кто угодно — подарил мне первый поцелуй, украв меня вечером с танцев или поздно ночью из тесной квартиры на третьем этаже. Я не ожидала, что мечты порушатся так скоро да с такой унылой обыденностью.

— Сядь.

Я и так сидела. Точнее, лежала и пялилась в телевизор.

— За стол сядь, хочу, чтобы ты точно слышала.

Ну началось. Не то чтобы мама была глухой и немощной. Маме было тридцать четыре, вот в чём дело.

— Послушай. Синьора Нути зовёт тебя к себе на виллу. Лучше соглашайся.

— А в противном случае?

— Мне нужно отлучиться по работе.

Во-первых, синьора Нути была на самом деле синьориной, лет на пятнадцать старше мамы, и звали мы её не иначе, как просто Валентина. Просто Валентина приходилась маме троюродной или четвероюродной кем-то там. В общем, просто Валентина. Во-вторых, вилла принадлежала не ей, а синьору Флавио вместе со множеством акров земли, виноградниками, купальным бассейном и много чем ещё. Валентина присматривала за его угодами, когда он уезжал, и уезжал он надолго и часто, потому что был слишком богат и потому что не выносил рядом слишком умных женщин.

Валентина давно присматривала за его угодами, начала ещё до того, как он обзавёлся виллой и всем прочим, и, скорее всего, до того, как он развёлся с матерью своего единственного сына. Синьор Флавио так и не воспылал к Валентине ответным чувством, насколько мне известно, но продолжал по сей день пользоваться её безвозмездными навыками стирать простыни и обметать пыль. Предположу, что Валентина всё ещё ждёт его. В-третьих, работа мамина,

по которой она собиралась отлучиться, предательски владела её существом где-то с начала ужина: очередная сигарета в кончиках её пальцев, нервные глаза — под ними пролегли лёгкие тени; наконец, нога, закинутая на ногу, тряслась под столом весь вечер с обидой брошенной женщины.

— Что ты на этот раз ему скажешь? — спросила я.

Как будто я знала, что говорила папе мама в предыдущие вылазки к нему.

— Скажу, что я несчастна.

Нельзя такое говорить мужчинам, даже мне это было понятно, хотя мои губы не знали и сотой части из того, что могли бы выучить к этому времени.

Мама выглядела милой, иногда красивой, и думаю, по-настоящему счастливой она была лишь в неосторожную свою юность. Теперь она переживала, что дочь в её отсутствие может надеть глупостей.

— Надолго?

— Недели на две.

А в прошлый раз обошлось двумя сутками. Всё серьёзно.

— У меня планируется собеседование. Может, получу там работу, — уточнила мама, стараясь выглядеть достойно в моих глазах.

— Конечно, наверняка получишь.

Как глупо пытаться вернуть человека, который находит счастье без твоей помощи. Но я не такая жестокая, чтобы так говорить. Я хуже — только что во мне бесследно исчез всякий интерес к маминим проблемам, и я теперь как высохший кран, не способный

дать воды, как ты его ни тряси. Просто наступило лето, время засухи, а мне ещё и шестнадцать. Мама, разумеется, всё это предвидела.

— Только не говори ему, чтобы возвращался ради нас. Мне хорошо и с тобой. Говори про себя, ладно?

— Ладно.

Мама тихо вздохнула. Ведь я только что отняла у неё последний стоящий довод. Оказывается, я ещё хуже.

— Значит, на две недели. Когда хочешь ехать?

— Чем раньше, тем лучше.

Я не стала интересоваться у мамы планами на случай неудачи, мне были по-настоящему безразличны эти её попытки. Я сказала правду — мне хорошо вдвоём с ней. Мы сидели за столом у открытого настежь окна, и временами, когда стихал ветер, в стоячей духоте луна глядела на нас каким-то масляным взглядом, и я решила, что две недели в глуши не решат ровным счётом ничего. Сейчас, вспоминая тот миг, понимаю, что ошибалась в своих умозаключениях с наполеоновским размахом. Я согласилась оставить город и его сети, которые сама себе расставила на три месяца вперёд, в надежде дать маме то единственное, что ей требовалось, и зависящее только от меня — мою разумность.

В конце недели она отвезла меня на вокзал.

— Ты красивая, — соврала я.

Именно в ту секунду мама была какой угодно, только не красивой. Скорее — буржуазно одетая дама едет на похороны.

Она крепко обняла меня и сказала:

— Слушайся синьору.

Затем отцепилась и села в свою машину.

— Mam, прошу, не будь жеманной хоть в дороге. Затяни потуже шарф или сними, чтобы его не намотало на колесо и тебя не катапультировало.

Но даже такой исход казался менее унижительным, чем то, что собиралась натворить моя мама. Она послала мне воздушный поцелуй. Скорее бы всё это кончилось.

Так в чём же смысл существования? С некоторых пор мне нравилось упиваться этим вопросом, потому что однажды я совершила открытие, найдя такой ответ, который меня, бессмысленную, как ни поставь, девицу, устраивал и, к тому же, приятно тревожил. Смысл в том, чтобы получать удовольствие. А вообще, вопросы я не люблю.

За моим окном проносились пейзажи, сначала невзрачные, затем отвратительные, а потом город кончился и потихоньку стали надвигаться горы, и я вдруг поняла, что олеандровый зной почти стёрся из моей памяти. Меня это тронуло. Я представила, каким волнующим будет моё возвращение, когда я смогу заново открыть для себя дурман, утопивший город с его шумной сутолокой и соблазнами, и снова стану мечтать о звёздах, чтобы мне вдруг посреди ночи сделалось прохладно и кто-нибудь рядом наконец-то сообщи, что меня следовало бы поцеловать...

Я поймала на себе прямой взгляд женщины чуть поодаль и ощутила, что сижу с блаженным видом, улыбаясь и ничего не видя вокруг.

Мама, родная, любимая! Ты никогда не требовала от меня быть хорошей, ты просто была рядом и переживала за нашу с тобой жизнь. Смотри, что вышло.

Я бывала на вилле синьора Флавио, когда они с моим отцом водили компанию. Мы жили в гостевом домике, моё окно выходило на склон с оливковой рощей, казавшейся в детстве самым дремучим лесом. В ранний час меня будили, я поёживалась от утреннего холодка, умывалась, отец варил себе и маме кофе, я вгрызалась в апельсин и убегала, терялась в дымке, а отец меня потом находил. Я никогда не скучала с ним, он был лучше всех, мы могли часами болтать вздор и оба считали запахи летних сумерек лучшими на свете. Теперь он в Милане, большом и пыльном городе, который я почему-то никогда не любила, хотя ни разу там не была.

Кончились горы Тосканы, потянулись каскады её холмов. Я вышла из поезда, когда закатное солнце вытягивало косые тени. У залитого розовым светом полустанка ждал автомобиль. Синьора Нути, синьорина, просто Валентина. Как же я по вам не соскучилась!

Она вышла из машины так, словно уже взялась учить меня хорошим манерам: колени вместе, осанка ровная.

— Как вы расцвели, Орнелла!

До чего пошло! Цветёт розмарин в саду, а я взрослею. Думаю, Валентина бы не обрадовалась, заговори я про её увядание.

— Рада вас видеть!

Что-то я целый день вру. А главное — не чувствую за собой вины. Вероятно, во мне укреплялись черты юности, к которым относилось и пренебрежение к условностям.

— Хотите за руль?

— Лучше вы, спасибо.

Я отказалась, потому что не готова была получать оценки за вождение в первый же вечер.

— Вам что-нибудь нужно? Газеты, журналы? Сигареты? — последнее слово она подчёркнуто отделила.

Я покачала головой и улыбнулась. Валентина ответила тёплым взглядом.

— Вот и славно. Я не переносу дыма.

В тот момент я почему-то для себя решила, что непременно должна на этой неделе закурить.

Валентина везла нас пьяными лентами тосканских шоссе, мы временами взлетали и падали, словно чествовали вместе с Тосканой её буколические благолепия. Взлетать и биться головой мне нравилось больше, чем отвечать на бессмысленные вопросы об учёбе, книгах, новых галереях и фасонах. Где ж ты раньше была, если всё это тебя так интересует?

Сколько себя помню, лицо этой изящной привлекательной женщины всегда выглядело каким-то усталым, и всякий раз удивляло, до чего шла её красоте такая особенность. В последнюю нашу встречу Валентине было около сорока, и она так гордо носила это своё лицо, с таким благородным равнодушием, что у меня даже возникали попытки ей подражать.

Впрочем, то дела минувших дней, а сейчас отчего-то стало более определённым чувство, что Валентине на самом деле всю жизнь плохо от столь заметной печати и что, вероятно, это как-то сыграло роль в её незамужнем прошлом и настоящем. Теперь ей было сорок девять, а мне — шестнадцать, а лето на улице вообще только зарождалось. Почему-то мне стало жалко Валентину. Выдохся тот её шарм, на лице выразилась в чистом виде усталость, и теперь она со старанием завистливой подруги подкидывала Валентине годков.

Мы вкатили во владения синьора Флавио в стильных сумерках. Со стороны казалось, что вся долина принадлежала ему. Возможно, так оно и было. Тут ничего не поменялось. За воротами встречала аллея кипарисов, их силуэты были прекрасны, прекрасными были и рощи, и виноградники, сейчас они все притаились, чтобы утром постараться восхитить старую знакомую. Узнают ли они меня? Узнаю ли я их? Может, при свете дня я пойму, что поменялось не только лицо Валентины? Хотя вряд ли что-то удивило бы сильнее.

На меня нахлынули сантименты об отце и прошлом при виде гостевого домика, я, покрывшись мурашками, словно приросла к месту. И почему только мы прекратили поездки сюда? Прямо надо мной выплёскивалась бугенвиллея с балкона, что примыкал к спальне родителей, занимавшей почти весь второй этаж. Сейчас там, конечно, проживает синьорина Валентина в безмятежном покое, а воз-

можно, с какой-то тайной страстью в душе. Кто её знает?

Меня ждала моя старая комната на первом этаже, совсем небольшая и чистая, с холодным круглый год каменным полом. Я скинула обувь и как будто вошла в старую жизнь, которую мне посчастливилось прожить когда-то давно. Она с умилением встретила и приняла меня. У кровати по-прежнему недоставало одного набалдашника, ставни отворялись и поныне упрямо, но, в конце концов, я отвоевала себе приток ночного воздуха. Роша под моим окном тихо спала, мне не терпелось последовать её примеру, и я бросила на кровать самоё себя. Мои простыни благоухали вербеной. Какое чудо! Я ощутила себя столетней старухой, у которой украли молодость, потом нашла себя юной и скучающей девицей и порадовалась за себя, потом я с тоской задумалась, что буду делать тут ещё целых две недели, и, наверное, я потом уснула. А наутро к нам явился Нино.

ГЛАВА 2

Я разглядывала Нино за завтраком и пришла к заключению, что Нино вполне мог встать в один ряд с Гаспаром, Филиппо и Джино и, в сущности, кем угодно. У него была внешность типичного чада буржуазии — выхоленный гладко выбритый тонкий юноша. Но вот характером был сдержан, даже немного раним. Его деньги, дом и дорогая одежда

меня не впечатляли, как не впечатляли меня деньги вообще — не помню, чтобы они у нас водились, хотя в одежде у Нино чувствовался вкус, а ещё у него были гармоничные губы и успевшие выгореть волосы. Из его распахнутого воротника глядело на меня распятие — я глядела на него. Нино это заметил. Мы сидели на террасе под жарким солнцем, пили кофе, рядом вздымалась зелёная волна виноградников.

— Между прочим, — сказал Нино, — распятие Иисуса изготовили из кипариса.

Вот почему нам с ним и его кругом никогда ни за что не найти общего языка! Они всегда знают то, что я знать не хотела.

— И как ты намерен использовать эту информацию? — спросила я, чтобы сказать хоть что-то.

— Никак. Мне просто кажется, что знать об этом приятно.

Тогда-то я и поняла, что у нас разные представления о приятном.

— Ты не носишь крест? — спросил Нино.

— Нельзя крестить шлюху. Это её только оскорбит, — сказала я.

Бедняжка Нино был несколько огорошен, явно не улавливая, всерьёз ли я или у меня такой юмор. Голос Валентины застал меня врасплох.

— Но, дорогая Орнелла, ведь вас же крестили.

Я вжалась в кресло. Валентина пожаловала на террасу, закончив мыть за нами тарелки. Она присела рядом.